

УДК 82

**ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕТОПИСНЫХ СВЕДЕНИЙ О КНЯЖЕСКИХ УСОБИЦАХ
1216–1217 гг. В ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ XIII–XV ВЕКОВ**

© 2013 г.

А.А. Кузнецов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

nalbuz@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

Рассматривается эволюция летописных сведений о княжеских усобицах 1216–1217 гг. в связи с политико-культурным развитием средневековой России XIII–XV вв.

Ключевые слова: усобицы, князья, битва на Липице, Лаврентьевская летопись, Новгородская первая летопись.

За последние десятилетия произошли существенные сдвиги в постижении феномена русского летописания. Исследователи доказали и показали, что оно на протяжении веков не представляло собой простое нанизывание фактов на уже заданную «Повестью временных лет» (ПВЛ) временную ось. Конечно, создавая свой труд, летописец играл роли копииста, сводчика и фиксатора последующих событий. Однако уже на стадии сведения материала в нарратив книжник начинал сглаживать текстовые швы, согласовывать детали разнородных известий об одно и том же событии, выстраивать логическо-временную связь. Более того, выяснено, что летописцы не только механически сокращали известия о прошедших временах, но творчески редактировали их, исходя из духовных, идейных и политических запросов своего настоящего. Смена циклического понимания времени культурой домонгольской Руси на осознание неповторимости конкретной эпохи в России XIV–XV вв. повлияла на восприятие древнерусской истории в последующем летописании. Именно там обнаруживались идеалы и ценности независимости и мощи киевских правителей, которые становились примерами для потомков, собиравших земли в противостоянии с многочисленными врагами [1].

Не только примеры изыскивались в прошлом. Оно оживлялось и тем, что над ним работали, дабы извлечь уроки, с его помощью одержать хотя бы моральную победу над противниками.

Работа книжников XIV–XVI вв. над (с) текстами о событиях IX–XIII вв. предполагала и компилирование, и внесение авторского начала. Грань между этими процедурами зачастую оказывается весьма размытой. Основные методы

работы книжников с материалом прошлых эпох представлены А.С. Усачевым в ходе изучения Степенной книги – памятника официальной исторической мысли России XVI в.: жизнеописания главных героев (по сути, создание биографий или биографических справок), объединение отдельных известий в связные рассказы, генеалогические вставки, внутритекстовые ссылки [2, с. 374–431].

Для анализа предложенных ниже текстов будет применен второй метод, дополненный еще и операцией разъединения. Также будут использованы методические приемы выявления летописных техник бриколажа, интертекстуальности и скрытого цитирования, предложенные исследователями для постижения феномена летописания.

Ярким примером пристального внимания книжников XIV–XV вв. к Древней Руси, извлечения из нее уроков является формирование образов битвы на Липице в 1216 г. (Георгий (Юрий) и Ярослав Всеволодовичи были побеждены старшим братом Константином (ростовский князь) при поддержке коалиции смоленских князей и новгородцев и убийства в Исадах шести рязанских князей двумя своими братьями в 1217 г. Находящиеся по соседству в летописях известия об этих усобицах на протяжении нескольких веков меняли свой облик и суть в зависимости от исторического контекста и по отношению друг к другу.

Исходные тексты о Липице и Исадах читаются в Лаврентьевской (далее – Л) и Новгородской первой (далее – Н) летописях. В Л сообщение о Липице как такового нет: в статье 1217 г. (т. е. вместе с известием об Исадах) говорится о примирении братьев Георгия и Константина Всеволодовичей после битвы у Юрьева, где

одолеет второй; Константин занял Владимир, а Георгий – Суздаль. Предысторию конфликта, описание сражения, состав войск на Липице, занятие Константином Владимира и отъезд Георгия в Городец – все это находится в Н. Впрочем, в ней не сообщается о примирении братьев. И в обоих памятниках одинаково сообщается о трагедии в Исадах. Глеб и Константин Владимировичи, заманив двоюродных и родного брата на пир в шатер, перебили их с помощью слуг и половцев.

В научной литературе распространено аргументированное мнение, согласно которому изначально рассказ об Исадах 1217 г. появился в Н [3; 4, с. 74–75; 5, с. 73; 6, с. 261–262]. Однако исследования А.А. Гиппиуса и Т.В. Гимона показали, что для Н известие о преступлении Глеба Рязанского инородно в кодикологическом и хронологическом смыслах [7, с. 114–118; 8, с. 13–14]. Это наблюдение можно подкрепить и текстологически. В Л известие об Исадах органично соотносится в статье 6725 г. со сведением о распре Всеволодовичей (Липица 1216 г.) и их примирении, хотя в один год с Исадами произошло лишь примирение детей Всеволода Большого Гнездо. Смещение битвы на Липице на один год, отсутствие описания этого события в Л позволяют читателю увязать счастливое разрешение усобицы владимирских князей («дьявол... плакаша своя погибели») с иным исходом распри в Исадах. Из контекста следует, что владимирские князья избежали усобицы и уподобления Святополку Окаянному, не ведавшему «Божьего Строения» (приводилась фраза ПВЛ, в которой цитировался Паримийник и осуждался Святополк Окаянный за убийство брата Святослава в 1015 г.: «а не веси ли оканьне Божья строенья дает бо власть емуже хочеть поставляет цесаря и князя Вышьнии» [9, с. 139, 440]). В этом отношении сведение в статье 6726 г. Н об Исадах в 1217 г. чуждо контексту, если учесть, что цитата из Паримийника не соотносится с событиями, освещенными ранее в Н. В Н описание Исад в 1217 г. оторвано по времени от Липицы 1216 г. Очевидно, что источник пространного сообщения об Исадах в Н – это владими́ро-суздальское летописание.

Цитата из Паримийника, приведенная под 1015 и 1217 гг., встречается в Л и под 1176 г., где говорится о тогдашней битве на Липице между Всеволодом Юрьевичем (Большое Гнездо) и его племянником Мстиславом Ростиславичем. В адрес последнего из-за отказа принять мир, как и в адрес Святополка Окаянного, прописано: «помыслившее высокоумьем своим не ведущее яко Богъ даетъ власть емуже

хочеть. Поставляетъ бо цесаря и князя Вышьнии...» [9, с. 381]. Так с помощью одной цитаты летописец XIII в. свел в одну цепь факты и сведения о них: преступления Святополка Окаянного – битву на Липице в 1176 г. – битву на Липице в 1216 г. – трагедию в Исадах. «Рассказ» Л о битве на Липице в 1216 г. встроен в эту цепь своей контекстуальной связью с повествованием об Исадах. Смысл обличений таков: Святополк Окаянный, Мстислав Ростиславич боролся за власть, забыв о том, что Бог дает власть тому, кого сам определил. Подобное замечание отмечается применительно к осуждению в Л, Н Глеба и Константина Владимировичей, убившего братьев в 1217 г. в Исадах: «не веси ли оканьне Божья строенья. дает бо власть емуже хочеть поставляет цесаря и князя Вышьнии» [9, с. 440; 16, с. 58].

Со временем эта связь стала переосмысливаться. Маркером этого изменения оказывается цитата из Паримийника. Точнее, ее эволюция применительно к эпизодам 1176, 1216 и 1217 гг. Она прослеживается в связи с развитием текста о битве на Липице в 1216 г. Ранее была предложена схема формирования «Повести о битве на Липице» (Повесть). Текст Н о битве на Липице в 1216 г. в ростовском летописании второй половины XIII–XIV вв. включал дополнительные детали. Этот ростовский текст, читающийся в Ермолинской, Львовской, Холмогорской летописях, Тверском сборнике, стал источником формирования Повести в новгородско-софийских летописях (Софийская первая, Новгородская четвертая, Новгородская Карамзинская). Повесть представляет своеобразный ответ сообщению Л о битве на Липице в 1176 г.: в 1176 г. ростовцы терпят поражение, в 1216 г. они побеждают; в обоих случаях победа – результат праведности позиции [11, с. 199–207, 239–305; 12, 291–311]. Данная схема противоречит воззрениям Я.С. Лурье на тексты о Липице 1216 г.: Повесть представляет собой компиляцию сведений о Липице разных летописных сводов, а потому более полна и достовернее известия о Липице в Н (другая схема была предложена А.В. Юрасовским: изначальная более полная и достоверная версия Повести представлена в Новгородской четвертой летописи, а в Н – ее сокращение) [13; 14, с. 461–462; 15, с. 64]. Изучение соотношения библейского комментария (из Паримийника) к сообщению ПВЛ об убийстве Святополком Окаянным Святослава Владимировича с его реминисценциями при освещении битвы на Липице в 1176 г., трагедией в Исадах в 1217 г. [16; 17], противоречит схемам Я.С. Лурье, А.В. Юрасовского и подтверждает версию

о поэтапном развитии сведения о Липице в Н в Повесть.

В новгородско-софийских летописях XV в., содержащих Повесть, сообщение об Исадах сведено к лаконичной фразе («Того же лета князь Глеб изби в Рязани братью свою, учинив леть»), находящейся в одной годовой статье с Повестью [18, с. 111; 19, с. 197; 20, с. 274]. Краткость фразы о беде в Исадах контрастирует с развернутым текстом о ней в Н, Л и др., с пространной Повестью. Тенденциозность сокращения сведения об Исадах очевидна: за счет объемной Повести на первом плане оказывалось преступление владимирских князей в 1216 г. [11, с. 321–326].

Соседствующие в летописях битва на Липице в 1216 г. и резня в Исадах в 1217 г. были для летописцев яркими примерами пагубности раздробленности в домонгольской Руси. Вот несколько утрированные «резюме» развивавшихся в летописании на протяжении трех столетий идей по поводу Липицкого сражения и к братоубийству в Исадах. В 1216 г. братья Георгий (Юрий) и Ярослав Всеволодовичи были наказаны смоленско-новгородско-псковско-ростовской коалицией за нарушение властных прав старшего брата Константина и попрание новгородских вольностей. В Исадах Глеб и Константин вероломно убили 5 двоюродных и родного брата, но из-за опоздания Ингваря Игоревича не добились вождя верховенства в Рязанском княжестве.

В разных летописных традициях соотношение оценок этих событий разное. Во владимирском летописании (Л) битва на Липице осмысливается как примирение владимирских князей и торжество над дьявольскими кознями, трагедия в Исадах – через наделение братоубийц чертами Святополка Окаянного, Каина, через замысел сатаны, посредством реминисценций Паримийника, ранее использованных под 1015, 1176 гг.

В летописях, где отразилась ростовская обработка второй половины XIII–XIV вв. сведений предшествующих летописных традиций (Ермолинская, Львовская, Тверской сборник), представлено описание битвы на Липице в 1216 г., скомпилированное из сообщений по этому поводу владимирского и новгородского летописаний. Упор в данном случае сделан на восхвалении ростовцев и порицании Георгия и Ярослава Всеволодовичей. Обличение братоубийц в Исадах приглушено за счет сокращения аллюзий в связи со Святополком и вышеуказанных цитат из Паримийника. В новгородско-софийских летописях обличающая Георгия и Ярослава Всеволодовичей Повесть распространена [11,

с. 278–301], но драма в Исадах сведена к одной нейтральной строке. Это объясняется публицистической дискуссией XV в. между державной Москвой и пока свободным Новгородом. Усобицы и той, и другой стороной понимались по своему как зло. Злодеями становились те, кто устраивал усобицы.

Различные описания Липицкой битвы становились аргументами в идеологической борьбе: либо возвеличивание владимирских князей – предков правителей Москвы, либо их осуждение. Для достижения любой из этих целей использовались категории и средства христианской (библейской) аксиологии. Религиозный контекст привносился в описание событий (прямые цитаты или пасхальная хронологическая сетка [11, с. 278–301]). Различное отношение к двум соседним по годам событиям на протяжении 2–3 веков в летописании показывает разное (разгар раздробленности и собиравание земель) отношение к одним и тем же усобицам.

В домонгольской Руси усобица-битва понималась как нормальное проявление княжеского поведения, но вероломное усобица-убийство князей из-за власти резко порицалось (Борисоглебские тексты, Повесть об убиении Андрея Боголюбского (убийство слугами) и др.). Более популярны были пленение и заточение противника, реже ослепление, которое, впрочем, порицалось. Неприязнь к убийству противника в среде Рюриковичей в домонгольское время, да и в общественно-политическом сознании вообще, могла быть обусловлена представлениями о коллективном правлении ими Русью. Выше князей не было никого. В XV в., когда за два предшествующих столетия прочно утвердилось представление о решающей роли ордынского хана в легитимации правителей княжеств, устранение соперника в борьбе за власть рассматривалось среди Рюриковичей как необходимая порой мера. Князя физически устраняли соперников, прибегая к помощи Орды. В XIV в. путем наветов и клеветы руками ордынцев был устранен Михаил Тверской. В 1425–1453 гг. отпыхала «феодальная» война, где Василий II убрал ослепившего его Дмитрия Шемяку, чей брат Василий Косой был устранен первым. Террор Орды по отношению к русским князьям снижал культурно-политическую ценность их жизни. Столкновение князей, подчинявшихся Орде, в несанкционированной ею битве могло уже приравняться к преступлению предшествующих времен – убийству или превосходить его.

В силу этих вещей нормальный и естественный для раздробленности механизм примирения князей через открытое столкновение,

своего рода «Божий поединок», вносящий порядок в стихию усобиц, для централизации играл тормозящую роль. Для централизующейся власти XV в. категории Каина и Авеля, Святополка Окаянного и Бориса, Глеба, Святослава, определения Богом того, кому суждено властвовать, не подходили, поскольку борьба за власть шла уже не в «горизонтальной плоскости» (брат–брат), но в «вертикальной» – старший и младший по статусу. Такой взгляд распространялся и на борьбу за власть между братьями. Именно последнее для летописца XV в. произошло на Липице в 1216 г.: младшие Георгий и Ярослав лишили старшего брата Константина власти, Ярослав отказался признать власть почти отца – тестя Мстислава Удатного. Эта деталь привела к изменению содержания текста о Липице 1216 г.

Большая дистанция в оценках, пропорциональная удалению по времени трагедии в Исадах, объяснима. Монгольское нашествие и установившееся ордынское иго обесценили многое из древнерусского наследия, ставшего русской античностью с полисемантической и плюрализмом своих образов и идеалов, внесли сумятицу в понимание плавного исторического процесса. Колоссальное для Древней Руси, равное убийству Авеля, братоубийство в Исадах позднее стало рядовым в числе княжеских преступлений в ордынский период. Ценность отдельной княжеской жизни стала ниже ценностей политического строительства, во многом ориентировавшегося на укрепление православной церкви. Она, в свою очередь, за 200–300 лет предлагала разные сакральные ориентиры, отражавшиеся в развитии летописания. Оперирование на протяжении длительного времени сюжетами двух усобиц домонгольской Руси показывает и устойчивость исторического аргумента в русском политическом сознании, постоянно соразмерявшем настоящее с историческим опытом Древней Руси.

Список литературы

1. Лихачев Д.С. Обращение к «своей античности» // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 725–731.
2. Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.–СПб.: Альянс-Архео, 2009. 760 с.
3. Дмитриев Л.А. Рассказ о преступлении рязанских князей (комментарии) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. V. СПб., 1997. С. 464–465.
4. Комарович В.Л. Литература Рязанского княжества XIII–XIV вв. // История русской литературы. Т. II. Ч. I. М.–Л., 1945. С. 74–85.
5. Кучкин В.А. Летописный рассказ об убийстве рязанских князей // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 73–74.
6. Лихачев Д.С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 259–263.
7. Гимон Т.В. Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 80–118.
8. Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 3–72.
9. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с. [ссылка не на с., а на стб. – А.К.].
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
11. Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 540 с.
12. Кузнецов А.А. Источниковедческие аспекты проблем биографии Георгия Всеволодовича // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2007. С. 277–312.
13. Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // Куликовская битва и подъем национального самосознания: Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 96–115.
14. Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице // Библиотека литература Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 461–464.
15. Юрасовский А.В. О соотношении пространной и краткой редакций «Повести о Липицкой битве» в новгородском летописании // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1987 г. М., 1989. С. 58–64.
16. Кузнецов А.А. Эволюция фрагмента 1015 г. «Повести временных лет» в описании событий 1176 г. в летописании XV–XVI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2009. С. 168–171.
17. Кузнецов А.А. Эволюция фрагмента Повести временных лет 1015 г. в описании событий в Исадах в 1217 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3(37). Сентябрь. С. 60–61.
18. Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. 42. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.
19. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
20. Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 6. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с. [ссылка не на с., а на стб. – А.К.].

**THE EVOLUTION OF ANNALISTIC ACCOUNTS ABOUT PRINCES' QUARELLS OF 1216–1217
IN POLITICAL AND CULTURAL CONTEXT OF THE 13th–15th CENTURIES**

A.A. Kuznetsov

The evolution of annalistic accounts about princes' quarells of 1216–1217 is considered in connection with political and cultural development of medieval Russia in the 13th–15th centuries.

Keywords: quarells, princes, battle of Lipica, Laurentian Chronicle, Novgorod First Chronicle.